

Шрила Гуру Махарадж вспоминает

Я родился в субботу, 10 октября 1895 года, в полночь. Навамититхи (лунный день) находился под покровительством того же самого знака, что и у Господа Рамачандры. Была Кришна-пакша (период убывающей луны). Шриман Махапрабху тоже родился в субботу. Я был вторым ребенком. Первой появилась дочь, но она умерла в раннем детстве, и поэтому моей матери дали Рама-кавачу (защитную мантру и амулет) для охранения следующего ребенка, коим и стал я. Так что моему появлению предшествовало получение Рама-кавачи.

В доме были две крытые тростником комнаты, одна из которых принадлежала матери. Так как первый ребенок погиб, а я только родился, она не покидала свою часть дома. Там, перед входом, сидели по ночам два моих двоюродных брата, знающих, кстати, английский язык. Это делалось для того, чтобы не допустить проникновения всевозможных духов в кошачьем или в каком-нибудь другом обличье. Поскольку они читали и занимались, обычно они сторожили первую половину ночи. Братья являлись бакалаврами искусств и готовились стать магистрами. Чтобы защитить от невидимого нападения во второй половине, или последующей части ночи, перед входом в это временное убежище располагались, тоже читая, два студента-санскритолога — двоюродный брат и дядя. Так осуществлялось ночное бдение.

Помню, как однажды, будучи маленьким мальчиком, я сидел на плечах у отца. Вдали проходила группа Санкиртаны — я заплакал и стал просить отца подойти к ней. Чтобы я успокоился, мы на некоторое время влились в процессию, а затем возвратились назад.

У меня была очень хорошая память, особенно на санскрит. Меня научили шлоке, прославляющей Господа Шиву: *праṇамāми śhivam śhивакалпатарум...* Я мог петь ее по памяти.

Дед мой умер, когда мне было год и восемь месяцев, поэтому память не запечатлела его образ. Мое самое раннее воспоминание — землетрясение. Я родился в 1302 году по мусульманскому летоисчислению, а в 1304 году, в месяце Ваишах, случилось это событие. Мне было примерно год и восемь месяцев или около того, но я помню происшедшее. Я помню, как содрогалась земля, как множество коров сбилось в кучу, и так далее — это мое самое раннее впечатление.

Мой первый брат появился на свет через три года после моего рождения. Я помню, как все случилось. Это было примерно в августе 1898 года. Моя память может возвратиться и в те времена, когда я учился читать, — тогда мне было пять лет. В то время я жил в доме моего дяди по матери. У меня остались воспоминания и о многих эпизодах, которые произошли до этого. У дяди я жил три года и получил там элементарное образование в начальных классах. Моя тетя помогала мне изучать «Рамаяну» и «Махабхарату». Это очень пригодилось впоследствии. Уже в те времена я чувствовал некоторое влечение ко всему этому, но было и определенного рода интуитивное знание, так же, как и предрасположенность к древним религиозным учениям и культуре ортодоксальной части общества — Ведам, Упанишатам, вере.

В десять лет я перешел в среднюю школу, которая, согласно нынешней системе образования в Индии, считается промежуточной. Будучи учеником, я участвовал в работе школьного дискуссионного клуба. Я всегда принимал сторону древней шастрической культуры, часто противореча мнению преподавателей, ратовавших за Ренессанс или Реформацию. Мои симпатии всегда принадлежали традиционному укладу. Я сражался, не боясь потерпеть поражение. В четырнадцать лет, согласно семейной традиции, я получил священный шнур. Полагаю, что память моя была достаточно сильной. Она содержала в себе многое из того, что я видел и слышал в ранние годы жизни.

Мне рассказывали, что в ответ на чей-нибудь вопрос я обычно говорил «нет». Что бы у меня ни спросили — «нет». Но однажды один из членов нашей семьи, ученый, должен был сдавать экзамен. Он задал мне вопрос о том, выдержит ли он это испытание. Я произнес: «Да». Действительно, все прошло успешно. Когда мне было пятнадцать лет, я закончил среднюю школу. Еще до того времени я мог сочинять стихи на санскрите.

В жизни я ценю самопожертвование. И великодушие. Я любил Господа Его Безупречные Деяния, но к Господу Кришне не имел столь большого расположения. Причина была в Его Вриндавана-Лиле (наиболее сокровенных Играх Господа). Я никак не мог понять, зачем Богу нужно быть обманщиком и охотником за девушками. Мое сознание не было способно, вместить все это. Но я видел Мурти (Божества) Радха-Говинды и чувствовал очарование, исходящее от них. Я соглашался, что тут есть определенная мистическая подоплека, но внешне более любил Господа Рамачандру. Впервые влечение к Шри Кришне пришло ко мне через «Бхагавад-гиту» а позднее через Махапрабху. Я преклонялся перед Господом Рамачандрой за Его великодушие. Я был в высшей степени пленен идеалом самопожертвования. И нет ничего удивительного в том, что я восхищался Радхарани, очень любил Махапрабху, но к Кришне испытывал меньшее влечение. Махапрабху и Радхарани оказали мне милость — это Они помогли мне обрести любовь к Кришне. Помню, что когда мне было лет девять или десять, в Джагаданандапуре, что около Катвы, существовал храм, в котором жили Божества Радха-Кришны. Каждый год в месяц Карттика мой отец читал там «Шримад-Бхагаватам». Иногда он брал меня с собой, и я чувствовал особенную мистическую атмосферу этого храма. В ней было что-то сверхъестественное.

Окончив школу, я уехал в Бахрампур (округ Муширабад) для продолжения обучения в Кршнанатх-колледже. Вместе с одним из моих двоюродных братьев, сыном дяди по матери, я познакомился с восточными бенгальцами, которые слыли как смелые и способные на самопожертвование люди. Я поселился в том же общежитии, что и они.

Так или иначе, хотя я и поступил во второй дивизион (в то время Шрила Гуру Махарадж в течение целого года страдал очень опасной формой малярии — ред.), все же выдержал промежуточные экзамены в первый. Учась в местной школе, нам приходилось совмещать учебу с работой по дому. Но теперь, когда я снова был в первом дивизионе, я жил в общежитии.

Меня восстановили в том же самом колледже в Бахрампуре. По окончании четвертого года обучения мы сдавали экзамены на звание бакалавра искусств. Во время учебы на этом курсе я подружился с одним юношей, который был младше меня. Он только что прошел отбор и был зачислен в колледж. Я обнаружил, что в нашем учебном заведении существовал небольшой студенческий кружок, где занимались определенным видом медитации, совершали какую-то пуджу, и т. п. Но была и другая группа, члены которой не уделяли большого внимания поклонению, а брались за любое практическое дело — ухаживали за больными, совершали различные бескорыстные поступки. Я же чувствовал внутреннюю предрасположенность и к тому, и к другому. Так вот, я заканчивал учебу, а юноша, о котором я говорил, только начинал ее. Разница в три года. Он был ревностно предан обоим видам служения — воспевал Имя Господа (иногда очень громко, подобно безумцу) и совершал сандхья-вандану (регулярные утренние, полуденные и вечерние молитвы и поклонение). В то же время он бросался на помощь больным, пренебрегая при этом даже занятиями в колледже. В жизни юноши сочетались два аспекта — социальное служение и религиозное поклонение.

Еще в школе ко мне попала книга, в которой говорилось о том, что практика джапы (медитативного повторения) Гаятри в количестве 432 раз в день дает очень быстрое духовное продвижение. Я занимался этим в течение некоторого времени и старался направить всю свою энергию на осознание явленной истины, не прибегая к помощи какого-нибудь учебника грамматики или словаря. Дело в том, что я знал: мантра Гаятри не мертвые слова

— она духовна и сознательна. Таким образом, если я буду практиковать джапу, Гаятри сама раскроет свой смысл и свою цель. Такова была моя позиция. А во время занятий джапой ощущался некий свет, исходивший от самих слов Гаятри. Я чувствовал это и какое-то время практиковал ее.

Как уже упоминалось, я познакомился с тем юношей и старался побольше общаться с ним. Звали его Шри Суреш Бхаттачарья, и происходил он из брахманского рода в Фаридпуре. Основатель Бхарат-севашрама, шри Прана-вананда, был родом из этой же деревни. Шрипад Мадхусудан Махарадж тоже происходит оттуда — из деревни Баджепратаппур в фаридпурском округе.

Однажды мы совершали утреннюю прогулку, чистя по дороге свои зубы маленькими прутиками. В разговоре он упомянул своего отца и назвал его «тот джентльмен. Я был возмущен: «Почему ты называешь отца такими словами? Ты сказал: „Тот джентельмен». Почему ты так поступил?» Он ответил: «Да, я совершил ошибку; я не должен был говорить так в твоём присутствии. Но на самом деле истина на моей стороне. В этой жизни я пришел к тому джентльмену» (он и был таковым) и находился под его опекой некоторое время. А в следующей жизни я отправлюсь к какому-нибудь другому джентльмену, затем к другому...»

Хотя внешне я выразил несогласие, это утверждение сильно задело меня. Я стал размышлять: «Да, он прав. Мы живем в окружении родственников — отца, матери, брата или, как он сказал, „того джентльмена“. Какова подлинная связь между мной и ними — и между ними и мной? Мы все почти что чужие!» И чем больше я об этом думал, тем сильнее было ощущение пустоты этого мира. Я ощутил ужасное одиночество и нигде не мог найти прибежища. Вокруг все охвачено хаосом, и нет ничего постоянного. Откуда бы я ни пришел, куда бы я ни направился, сколько бы я ни оставался здесь — все это лишь крохотная точка в потоке бесконечности. Я есть неопределенная точка в бесконечности. Это было великое потрясение. И это был великий поворот в моей жизни.

Мирские достижения не имеют ценности. Я учился уже четвертый год и должен был регулярно появляться на занятиях, чтобы сдать выпускные экзамены. Мои друзья, видя мое состояние, были встревожены: «Что случилось? Ты запускаешь свою учебу. Как ты сможешь выдержать экзамены? Твой отец, хотя он и не богат, посылает деньги, чтобы ты смог получить образование». Они прилагали максимум усилий, чтобы помочь мне, но я не мог сосредоточиться ни на одном учебнике. Они даже говорили: «Если ты не в состоянии готовиться как все, мы будем читать тебе, а ты старайся внимательно слушать».

В то время мой друг дал мне кое-какую литературу о Жизни и Учении Махапрабху, и я с жадностью стал поглощать ее, словно нектар. Там я нашел подтверждение — надежда есть. Эти книги поддержали меня — они стали своего рода основанием, фундаментом. И я обрел там долгожданные опору, надежду и прибежище, в которых так нуждался.

Чтение этих книг все больше и больше захватывало меня. Склад моего характера был таков, что я, независимо от содержания книги, скрупулезно исследовал ее. Это замедляло процесс чтения, но позволяло уловить тончайшие детали и давало правильную перспективу. К тому же я обладал очень острым слухом, который позволял в некоторой степени заменить чтение. Что бы я ни услышал, я мог ухватить из этого самую суть и надолго удерживать ее в памяти. Итак, благодаря внимательному чтению и острому слуху, я нашел свою жизнь, свою будущую надежду — все. Я отдал этому всего себя. В семье моей матери до известной степени признавали Шри Чайтаньядева, но родственники по отцовской линии были ортодоксальными смартами. Они ненавидели последователей Махапрабху. Чайтанья сотворил общество, в котором нет порядка. Тунеядцы, неспособные занять свое собственное место в социальной системе — вот кто такие приверженцы Чайтаньядева. Те, кто утратил общественный статус, становятся Вайшнавами и объявляют себя последователями Чайтаньи. Такую ненависть имели члены отцовской семьи. Но,

несмотря на это я полностью предался Чайтаньядеву. Не только на уровне интеллекта, но в своем сердце и уме. Я пережил совершенное обращение.

Потом умер мой отец. Он был разочарован и удручен. Я являлся старшим сыном, и он возлагал на меня определенные надежды в семейных делах. Но горе по поводу такой перемены во мне, можно сказать, подкосило его. Бремя семейных забот занимало и мой ум, однако мое состояние сознания было несколько иным. У меня появился шанс жить в отречении. В течение года после смерти отца сын не имеет права ходить с зонтиком, а также надевать обувь. К этому я добавил еще одну аскезу: на протяжении года не носить ничего, кроме одного куска ткани и простыни. И, полубезумный, я обычно занимался земледелием или ухаживал за коровами. Каким-то образом я выдержал экзамены на звание бакалавра искусств. Бахрампурское общество, где я появлялся, мои преподаватели, рассказывали, что это была настоящая бойня! Очень мало, кто смог выдержать, но я как-то сумел. Некоторые из моих педагогов говорили: «Он сдал экзамены потому, что поклонялся Богу и умилостивил Его! Он вообще не учился, но прошел, просто поклоняясь Богу». Так они говорили. Умирая — а уходил он почти в полном сознании, — мой отец кое-что сказал. Первое: мне надлежит жениться. Я никогда не лгал. Я говорил только правду, невзирая на возможные негативные последствия этого. Но я не мог обещать исполнить его волю и взять на себя обязательства перед ним. Поэтому мне было нелегко. «Женишься ты или нет, не расстраивай меня в час моей смерти. Скажи, что сделаешь это», — такие слова произнес он перед своим уходом. Так или иначе, я ответил: «Я постараюсь исполнить твою просьбу». Таким образом, я хотя в довольно мягкой форме, но все же пообещал ему. После этого мне пришлось исполнить свое слово и жениться. Семейная жизнь продолжалась шесть лет. Я снова пошел учиться. На этот раз — на отделение права. В это время активизировалось Движение Гражданского Неповиновения Махатмы Ганди, где говорилось: «В течение одного года я дарю тебе сварадж (независимость)». И я, в надежде на эту перспективу, присоединился к нему.

Я хотел стать санньяси, но моим соотечественникам нужен был один год, и я решил пожертвовать им ради них. Я оставил юридический колледж и некоторое время, по заданию движения, работал здесь, в Калне, секретарем. В этом качестве, живя иногда в деревне, я пробыл два или три года. Затем я отошел от дел, но позже меня вызвали для работы в Калькутту. Там, с помощью руководителя одного государственного учреждения, я приобрел еще одну профессию и остался в Калькутте, занимая руководящую должность.

Мои духовные устремления были направлены к Махапрабху. Я везде искал садху, чтобы принять от него инициацию. Но так и не нашел никого, соответствующего моим запросам.

Однажды, возвращаясь из своего учреждения, на Читтаранджан авеню я обнаружил афишу: «Гаудия Матх Махотсав (большой фестиваль) в течение месяца». Был дан адрес: около храма Парешнатха. Этот красный плакат привлек мое внимание. Я подумал: «Гаудия Матх — это, должно быть, последователи Махапрабху. Надо пойти и посмотреть, что там делается».

Когда я был студентом-юристом, Суреш Бхаттачарья познакомил меня с основателем Бхарат-севашрама Шри Пранаванандой, который позже приложил величайшие усилия для привлечения меня в свою миссию. Но я наотрез отказался. «Мое сердце отдано Махапрабху, Гауранге, я не могу пойти куда-либо еще». Он отвечал: «Я тоже испытываю величайшее почтение к Махапрабху Чайтаньядеву, но считаю, что первой ступенью должно быть буддийское отречение (вайрагья) и безразличие к миру. Далее — веданта Шанкары, или джнана. А последний и наивысший этап — Према Чайтаньи. В противном случае, у людей будет возникать ошибочное мнение, что Према возникает из похоти».

Я сказал: «Да, то, что Вы говорите, вполне правильно. Действительно — Према-дхарма Шри Чайтаньядева — высочайшая, и она превосходит буддийскую и шанкаритскую концепции теизма. Но Чайтаньядев не говорил нам: „Идите к буддистам и практикуйте вайрагью, а потом

постигайте веданту у последователей Шанкары. Затем приходите ко Мне“. Он наставлял: „Где бы ты ни был, стремись к обществу садху и можешь принять Имя“. Пранавананда молчал. Я снова заговорил: «Если Вы обладаете какой-то сверхъестественной силой, пожалуйста, скажите мне, где находится мой духовный водитель, мой Гурудев? Я был бы очень признателен Вам за это». Он назвал имя некоего джентльмена — Харанатх. Я стал искать его, но безуспешно. Это было в то время, когда я, увидев плакат, пошел в Гаудия матх. Там я обнаружил только одного джентльмена, находившегося в наружном холле; все же остальные ушли на Нагар-санкиртан (совместное воспевание в городе). Я немного побеседовал с этим человеком. Я кое-что знал о Чайтаньядеве, изучал и другие Писания, но нашел, что люди, представляющие Матх, обладают более глубоким и основательным знанием, чем я. Потом сНагар-санкиртана возвратились и другие преданные, и я впервые увидел Гуру Махараджа, с его дандой (посохом нищенствующего монаха). Как только он оказался перед матхом, подошли несколько учеников и взяли у него данду, а затем медленно проводили его в здание. С первого взгляда я понял, что Гуру Махарадж был полностью безразличен к миру обыденного. Ничто не могло взволновать его — он был самодостаточен. Таково мое первое впечатление. После этого я начал посещать Гаудия матх. Постепенно я осознал, что хочу остаться в обществе этих людей.

К несчастью, мне не довелось встретить их раньше, но теперь я думал: «Что мешает мне прийти и остаться там?» Я обратил взор на мою семью — отец ушел, остались мать и три младших брата. Они не будут сильно уязвлены. Но моя жена будет страдать. Не знаю почему, но внезапно ко мне пришла мысль: «Если она умрет, я буду свободен». Вот такая мысль посетила меня. Общение с теми людьми притягивало. Там было столько благородных и образованных личностей, полностью посвятивших себя Служению Махапрабху. Это в высшей степени привлекало меня.

И в тот же самый день я, придя домой, обнаружил, что моя жена больна. Это было вечером, а через три дня она умерла. Моя мать пыталась снова женить меня, но ее попытки не увенчались успехом. А через шесть месяцев она тоже ушла. Это случилось в Харидваре, во время Кумбха-Мелы. Она умерла там. Один из моих братьев, Сатьен, вместе с другими паломниками и сестрами сопровождал ее.

Я был свободен. Я посещал матх. Я полагал, что смогу здесь обрести свою веру, и поэтому хотел узнать о миссии как можно больше. А судить о ней можно по ее лидеру. Вследствие этого, я стремился подняться наверх — туда, где жил Гуру Махарадж. Я хотел пройти к его комнате и сесть около нее, чтобы встретиться с ним и иметь возможность слушать его. Однажды, когда я предпринимал очередную попытку подняться наверх, меня остановил Киртанананда Прабху, брахмачари.

— Куда ты идешь?

— Я иду к Гуру Махараджу.

— Нет, ни за что. Ты должен остаться здесь, в приемной. И когда увидишь кого-нибудь, скажи ему, с кем ты желаешь встретиться. Он спросит разрешения и, когда он вернется с ответом, ты сможешь подняться. Но до тех пор ты должен оставаться тут. Никогда не переходи этот порог.

Немного сурово. Тогда я подумал: «Каковы должны быть качества садху в отношениях с другими? Почему обязательно разделять на своих и чужих? Я больше не буду приходить сюда».

Но в тот самый момент мне вспомнилось положение Шукадевы. Я читал эту историю в «Махабхарате». Для завершения обучения, садханы, Шрила Вьясадева послал Шрилу Шукадеву Госвами к Раджарши Джанаке. Семь дней, с того момента как Шрила Шукадева пришел туда, его держали за внешними воротами. Затем известие о прибытии направили Джанаке, который дал санкцию: «Позвольте ему пройти через ворота». У следующих ворот его снова заставили ждать.

Всего столица имела семь оград, и у каждой Шрилу Шукадеву держали по семь дней. Таким образом, семь раз по семь означает, что его ожидание составило сорок девять дней. Лишь после этого срока Шрила Шукадева смог встретиться с Джанакой. Вот что я вспомнил. А потом пришел к выводу: «Если здесь есть что-то дурное, а меня принимают и усаживают на трон для поклонения, мне не следует сюда приходить. Но если здесь находится подлинное благо, а меня бьют метлой — я не должен покидать это место!» Таково было мое решение, и я продолжил посещения матха.

Как-то раз после этого Гуру Махарадж, пообедав, прогуливался по крыше. Я приблизился к нему и встал неподалеку. Его сопровождал один человек. «Дже кон вактавайя?» — Он хочет что-то сказать? — спросил его Гуру Махарадж.

— Вы хотите что-то сказать? — обратился ко мне подошедший слуга.

— Нет, — ответил я.

Он возвратился назад.

— Он говорит, что ничего не хочет сказать.

— Он хочет что-то спросить? — сказал тогда Гуру Махарадж.

Человек снова подошел ко мне.

— Гуру Махарадж сказал: «Не хотите ли Вы что-нибудь спросить?» — промолвит он.

— Нет, я ничего не хочу спросить, — ответил я.

В очередной раз возвратившись к Гуру Махараджу, слуга доложил:

— Он говорит, что не имеет вопросов.

После этого Гуру Махарадж произнес:

— Есть ли у него в уме какая-то цель, ради которой он и пришел сюда?

Слуга вернулся ко мне.

— Да, у всего, что происходит, есть какая-то цель, — сказал я, — и я не исключение.

— Какова же она? — спросил Гуру Махарадж.

— Во что бы то ни стало получить Вашу Милость, — таков был мой ответ, — мне больше ничего не нужно. «Апнар прасанната».

Вероятно, это тронуло Гуру Махараджа. Он подошел и стал расспрашивать меня: кто я такой, чем занимаюсь, откуда я, и так далее. После этого он сказал: «Вы, несомненно, удачливы. Вы родились в пределах Гауда-мандалы». С собой у них была только что изданная брошюра. Сопровождающий сказал: «Гуру Махарадж дарит Вам эту книгу». Я ответил: «У меня уже есть такая». Он сказал: «Это не имеет значения. Гуру Махарадж дарует ее по своей милости, из-за хорошего расположения к Вам. Это нечто иное, чем просто подарок. Возьмите ее». Я внял этому, и взял брошюру. Так произошла моя первая беседа с Гуру Махараджем.

На следующий год меня пригласили в Маяпур на празднование Дня Явления Шримана Махапрабху. В то время я посещал матх и слушал лекции. Я поехал на праздник. Моя мать тоже звала меня — в деревню Гумо, где она остановилась вместе с моим братом. Ей хотелось увидеть меня перед поездкой в Харидвар, а люди из Гаудия Матха приглашали в Маяпур. Передо мной встала дилемма. Что делать? Это был зов моей матери, может быть, последний. Здоровье ее ухудшилось, и существовала вероятность того, что она скоро уйдет. Это был призыв. Но я решил,

что в своей жизни хочу принять другую сторону. И поэтому предпочтение было отдано ей. То есть, я отверг просьбу матери навестить ее и вместо этого поехал в Гаудия матх.

Из их (преданных Гаудия Матха) речей я понял, что у этих людей нет мирских авторитетов. Но, когда цитировалось какое-либо место из Писаний, они слушали очень внимательно. Такую характерную черту я подметил. В общем, они отвергали все, ничего не принимая во внимание; но питали интерес только к истине Писаний — ее они всерьез учитывали и рассматривали. С отвращением отвергали они множество авторитетов тогдашнего общества — этого Ауробиндо, этого Ганди, этого Рамакришну, этих (псевдо) Госвами, — без промедления отвергали их всех. Но Махапрабху, «Бхагаватам», «Гита» — ими измерялось все. Я тяготел к этим людям, они располагали к себе. Я хотел стать одним из них.

Но существовала одна неловкость. Она заключалась в том, что Гуру Махарадж происходил из семьикайастх, которые считались шудрами. А мой брахманский пандитский род пользовался в обществе огромным почетом. Очевидно, что любой брахман должен вести себя соответственно своему положению. Так что я ощущал определенного рода препятствие. Но позже, в Маяпуре, я увидел множество вещей, тронувших мое сердце.

Шрила Прабхупада читал лекцию большому количеству джентльменов, прибывших из Кришнанагара, — образованным людям. В другом месте выступал почтенный Шрипад Бхакти Прадип Тиртха Махарадж. Еще где-то Шрипад Бхакти Сварупа Парват Махарадж собирал денежные пожертвования, выдавая письменные квитанции. Активностью преданные напоминали пчел. Я ощущал неземную атмосферу счастья.

И вот празднование закончилось. Множество людей предлагали свои почтительные поклоны сидевшему на веранде в парусиновом кресле Гуру Махараджу, а затем поворачивались и уходили домой. Все это время он был занят беседой с кем-нибудь. Я всегда испытывал жажду слушать его. Он сказал: «*Āpnārā āmāke bañcñā kariḅen nā*» — «Не обманывайте меня». Я насторожился. Что такое? В чем его обманули? Где кроется неправда? Каждый получил приглашение, все пришли, а теперь уходят. Что подразумевал он под «обманом»?

И вот Гуру Махарадж продолжил: «Все вы пришли с сознанием того, что посвятите себя Служению Кришне, поэтому я сейчас здесь, с вами. Но вы, посетив эту церемонию только для виду, идете домой, чтобы опять погрузиться в мирские дела. Вы же уверяли меня, что будете служить Кришне, но... я разочарован...» Немного погодя он продолжил: «Вы могли бы сказать: „Ох, у меня столько важных дел! И как только я закончу их, и у меня появится возможность, я приду и присоединюсь к вам». Но нет, нет! Если вы скажете мне, что как раз сейчас случился маленький пожар, и вы возвратитесь после того, как он будет потушен, то я отвечу, что в этом нет необходимости! Если огонь сжигает весь мир, вы ничего не теряете. Более того, если вы расстанетесь с теми вещами, которые сгорят, то обретете избавление. У всей вашей положительной деятельности, у всех ваших внутренних стремлений есть соответствие в Кришне. Все ваши нужды и желания будут удовлетворены в Служении Святым Стопам-Лотосам Кришны, и нигде больше». Он говорил с такой силой...

Я был поражен. Я подумал, что никогда и нигде в этом мире живых не слышал о такой крайней необходимости в Кришна-бхаджане. Поэтому я должен преклонить свою голову здесь. Именно тогда ко мне пришло решение стать учеником Гуру Махараджа.

Перед смертью моя мать очень беспокоилась: «У меня есть старший сын, но он станет санньяси, и не сможет совершить церемонию шраддхи (погребальные обряды) по мне. Кто же тогда проведет ее?» Поэтому, когда она ушла, я поехал домой и выполнил этот долг. По окончании церемонии, в последних числах апреля, я вернулся, чтобы вступить в Матх. Вначале я решил, что двое моих

младших братьев должны завершить свою учебу и получить работу — только после этого я уйду (из дому, и буду жить в матхе).

Но Шрипад Бхарати Махарадж и другие сказали, что у меня появилась величайшая возможность. Они настаивали: «Нет, нет. Кришна забрал Вашу жену и Вашу мать. Он достаточно сделал для Вас. Если Вы упустите этот шанс, то все равно возникнет другое препятствие, и эта жизнь будет безнадежно утрачена». Я спросил: «Что вы хотите сказать?» Они ответили: «Вступайте немедленно». Я поступил именно так, как мне советовали.

Мои братья, жившие со мной в общежитии, тоже пришли. Возвратились они рыдая — я остался в матхе.

Некоторое время я жил в калькуттском матхе. Меня попросили выполнять кое-какое служение в типографии, но, по правде говоря, эта работа — чистка корректуры и тому подобное — не особенно вдохновляла. Более всего, сердце мое тянулось к проповеди — вести киртан и проповедовать. Поэтому меня вскоре отправили в проповеднический тур.

Первая остановка была в думуркондском матхе (в Бенгалии), затем в Бенаресе и, наконец, во Вриндаване. Некоторое время мы проводили там Нагар-кирттаны. Но вскоре меня послали в Дели. Я стал заниматься сбором пожертвований, ходя от одной двери к другой. Вслед за этим был основан матх на Курукшетре, и меня назначили его главой. Я действовал в одиночку. Это уединенное место, за исключением времени солнечных затмений, когда на Курукшетру прибывают сотни тысяч людей. Собирая пожертвования, я провел там примерно два-три года. Далее был учрежден делийский матх, и я стал им руководить. Позже я проповедовал в Шимле и других местах.

Ежегодно, в августе, нам следовало приезжать на празднование в калькуттском матхе, которое длилось целый месяц. Когда я прибыл туда, Шрипад Бхакти Хрдай Бон Махарадж и Шри Хайагрива Прабху (позже Шрипад Бхакти Дайита Мадхав Махарадж) взяли меня в группу, направляющуюся в сторону Мадраса. Ее целью было установление отпечатков Стоп Махапрабху. По возвращении экспедиции был открыт матх на Багх Базар. Туда, из прежнего арендуемого здания на Улта Данга, прошла процессия во главе с колесницей, на которой ехали Божества. В течение месяца там проходили торжества.

Прабхупада провел остаток того года, устанавливая упомянутые ранее Пада-питхи (отпечатки Стоп Махапрабху) вплоть до Мангалгири — около Беджойды, Кобхура и так далее. Затем он прибыл в Мадрас и объявил об открытии местного матха, оставив нас там. Мы снимали дом. Шрипад Бон Махарадж возглавлял нас и был старшим санньяси. Он сказал обо мне: «Этот преданный способен хорошо проповедовать. Ему более подойдет занятие проповеднической деятельностью, чем сбором пожертвований». Я имел степень бакалавра искусств и был известен как бакалавр искусств Шри Рамендрасундар Бхаттачарья. Моей обязанностью было обращаться к публике и представлять санньяси. Иногда я еще занимался сбором пожертвований. Но Шрипад Бон Махарадж сказал как-то: «Он не хороший сборщик пожертвований, а хороший проповедник. Он способен успешно вести Хари-катху». После этого, в октябре 1930 года, я получил санньясу.

После установления отпечатков Стоп Махапрабху в различных местах, Прабхупада (как было сказано ранее) открыл матх в Мадрасе, и дал нам распоряжение оставаться там. Мы проповедовали в Мадрасе года три или около того.

Потом была вриндаванская парикрама — обхождение всего Вриндавана. После нее Шрипад Бон Махарадж уехал проповедовать в Англию, а я стал руководителем мадрасского матха. Примерно в это время там был построен храм. Позже открылся бомбейский матх, и меня направили уже туда. Я жил там какое-то время, а потом меня взяли в главную проповедническую группу,

путешествовавшую с Прабхупадой. Находясь много времени рядом с ним, мы проповедовали в разных местах Бенгалии. Первого января 1937 года, в 5.30 утра, Прабхупада покинул этот мир.

Он хотел, чтобы я поехал проповедовать в Лондон, но я сказал: «Я не гоюсь для этого. Я не понимаю их произношения, и у меня нет желания очень близко общаться с ними. Вы потратите большие деньги на мою поездку, но я не смогу оправдать Ваши надежды. Конечно, если Вы приказываете, я должен ехать. Но я просто говорю Вам, какова моя природа». Тогда он послал вместо меня Шриюкту А. Б. Госвами Прабху (впоследствии Шрипад Бхакти Саранга Госвами Махарадж).

Когда Прабхупада заболел, я находился у его постели и служил ему. Ровно за день до своего ухода он призвал меня и попросил петь «Шри Рупа-манджарипада». В то время я еще не привык вести киртан. У меня не хватало решимости. Шриюкта Кунджа Бабу, позже Шрипад Бхакти Вилас Тиртха Махарадж, попросил одного Прабху-брахмачари: «Пойте Вы». Тот начал петь, но Прабхупада был недоволен. Он сказал: «Мне не нужны правильная интонация или сладостные звуки». Прабху-брахмачари остановился, и мне пришлось запеть «Шри Рупа манджарипада». Кто-то сказал: «Таким образом, Прабхупада принял тебя в мир Раса-севы».

Приблизительно за год до этого я сочинил санскритскую поэму о Шриле Бхактивиноде Тхакуре, и Шрила Прабхупада был очень счастлив, ознакомившись с ней. Когда я впервые читал ему свой труд, он заметил: «Ты очень удачно выбрал стиль». Потом я услышал, как он говорил Шрипаду Шраути Махараджу: «Эта поэма так прекрасна; и она не написана им — ее автор сам Шрила Бхактивинода Тхакур, явивший свое произведение через него. Я ощущаю это очень ясно». Однажды Шрила Гуру Махарадж сказал Шриюкте Апракрите Прабху: «Я рад, что мое послание сохранится после меня — я вижу в этой шлоке (стихе) сиддханту (совершенное теологическое заключение)»:

śrī gaurānumātam svarūpa viditām rūpāgradženādrām
rūpādīaiḥ pariveśitam raḡhugaṇair āsvāditām sevitam
dживādīair abhirakṣitam śuka-śhiva-brahmādi-sammānitām
śrī-rādḡā-pada sevānāmram-aho! tad dātum iśo bhavān

«То, что является Милосердным Даром Шри Гаурачандры, глубочайшая, сокровенная суть чего известна Шри Сварупе Дамодаре, чему поклоняется Шри Санатана Госвами и что распространяется Раса-таттвачарьями во главе со Шри Рупой Госвами; то, что вкушается и обогащается дополнительными вкусами Шри Рагхунатхой Дасом Госвами и его последователями, бережно охраняется Шри Дживой Госвами и прочими и то, что издавна благоговейно читается великими, такими как Махадева, владыка богов, и Брахма — творец вселенной — о! чудо из чудес, тот преисполненный экстаза нектар Исключительного Служения Стопам-Лотосам Шри Радхи — в твоей (Шрилы Бхактивиноды Тхакура) власти одарить им нас».

До этого я написал также статью для религиозной газеты «Надия Пракаш», и Прабхупада сказал Шрипаду Шраману Махараджу, ее редактору: «Если Вы и дальше будете подбирать для публикации статьи такого типа, уровень вашей газеты возрастет. Такие работы необходимо печатать». Так или иначе, он высоко оценивал мое понимание и осознание. Есть много и других примеров.

Шрипад Б. А. Сагар Махарадж: «Я слышал, что Шрила Прабхупада прославил Вас как Шастранипуну».

Шрила Шридхар Махарадж: «О! В Мадрасе, в ведущей еженедельной газете Гаудия Матха «Гаудия» была напечатана одна сиддханта. По ошибке там поменяли местами дни рождения Шримати Вишнуприйи Деви и нашего Гуру Махараджа. Оба они приходятся на панчами (пятый

лунный день). День Явления Шримати Вишнуприйи выпадает на панчами светлой половины лунного месяца, а Прабхупады — на панчами темной половины. Но даты переставили: день рождения Прабхупады на светлый пятый день, а день рождения Шримати Вишнуприйи — на темный. Я внимательно прочитал это и понял, что была допущена теоретическая ошибка. Почему Кршна-шакти пришла при полной луне, а Гаурашакти — при темной? Я знал, что все должно быть наоборот.

Я высказал свое мнение Шрипаду Бону Махараджу, считая данную перестановку серьезной ошибкой. Он тут же взял ручку и стал писать: «Что это? Мы полагали, что редакторы имеют хоть какое-то соприкосновение с истинной реальностью. Почему же стало возможным совершение такого рода промаха? Быть может, они не имеют шрауты — этой связи? Все это выдумки!» Так ошибка была обнаружена, и в следующем номере ее исправили.

Когда Прабхупада находился там, были изданы книги «Рай Рамананда», «Взаимосвязанные миры» и «Брахма-самхита». В одной из них говорилось, что когда Махапрабху шел во Вриндаван, Он встретил Шри Рупу и Шри Санатану Госвами. Но я четко помнил, что Махапрабху встретился с ними на обратном пути из Вриндавана, поэтому и высказал свое возражение. Я не говорил это лично Прабхупаде, но ему, очевидно, доложили, что Шридхар Махарадж выявил несоответствие истине. По случаю своей Вьяса-Пуджи Прабхупада написал письменное обращение, в котором, упоминая меня, выразился так: «Шастра-нипуна Шридхар Махарадж — он обладает очень глубоким знанием Писаний». Таково было его мнение.

Шрипад Б. А. Сагар Махарадж: «А по поводу определения места беседы со Шри Раманандой Райем?»

Шрила Шридхар Махарадж: До того как меня вызвали из Уттар-Прадеша (чтобы я присоединился к мадрасской группе), мое имя было Шри Рамендрасундар Бхаттачарья. Но затем Прабхупада переделал его на Шри Рамананда Дас, и с этим именем отправил меня с преданными, задачей которых было обнаружение места беседы между Шриманом Махапрабху и Шри Раманандой Райем и установление там Пада-питхи (отпечатков Стоп Махапрабху).

По пути я прочитал короткую лекцию в Раджмахендри о той беседе Шримана Махапрабху и Шри Рамананды Рая в Кобхуре. И я слышал от Шрипада Кришнадаса Бабаджи Махараджа о том, что Шрипад Бон Махарадж оценил мою речь как выдающуюся и содержащую в себе самые драгоценные Учения. Харе Кршна.

Шрипад Б. А. Сагар Махарадж: «Тот храм, где Вы установили Пада-питху, существует сейчас?»

Шрила Шридхар Махарадж: «Да. Прабхупада установил там Божества, но при нем был только один Пада-питха мандир. Отдельный мандир был построен после Прабхупады — возможно, Шрипадом Бхакти Виласой Тиртхой Махараджей».

Позже я, уже став санньяси, работал вместе с Шри Хаягривой Прабху, ставшим потом Шрипадом Мадхавой Махараджем. А пока он был одетым в белое брахмачари.

Кроме того, я собирал денежные пожертвования для мадрасского храма у раджи Джейпура (Орисса). Это целая история. Их новым I.C.S. стал мистер О. Пулла Редди. Его назначили «диваном» (крупным государственным должностным лицом) Джейпура. Так как в этой области жили адиваси (туземные племена), британцы установили там особые правила. Диван обладал даже большей властью, чем царь. Мы приехали из Мадраса с рекомендательным письмом от исполняющего обязанности главного судьи, мистера Рамешана, чтобы встретиться с раджей Джейпура. После разговора раджа пообещал оплатить строительство мадрасского храма, но деньги не выдал, сказав: «Обратитесь к дивану, и он даст вам деньги. Я не смогу. Идите и обратитесь к вышестоящему. Я даю лишь санкцию, а деньги предоставит он. Так что вам

необходимо встретиться с ним». Я слышал, что последний был настроен довольно атеистически, и поэтому колебался, стоит ли обращаться к нему. Я сказал радже: «Нет, ведь Вы же царь, Вы владыка, так что будет лучше, если именно Вы дадите деньги». И так далее. Но он все упорствовал и упорствовал: «Нет. Вам лучше обратиться к дивану».

Когда я все-таки встретился с ним, реакция его была сугубо отрицательной. Диван сказал: «Ох, я самый неподходящий человек для того, чтобы выдать Вам сумму в десять тысяч на строительство храма в Мадрасе. Если бы вы сооружали его здесь, было бы еще возможно рассмотреть этот вопрос — тогда бы местное население имело там место для отдыха. Видите ли, здешние люди — полуголодные и полуодетые бедняки, и если и приходят какие-то дополнительные средства, я должен использовать их для оказания помощи народу. Деньги нужны для этой цели, а не на строительство храма, который, к тому же, будет находиться в городе Мадрасе — это будет слишком большая роскошь. Отправляйтесь туда и собирайте деньги для строительства своего храма там». Выслушав его, я понял, что, когда случай безнадежен, необходимо сильнодействующее лекарство. Ответом ему стала шлока из «Шримад-Бхагаватам»:

викри́дитаи́ враджа-вадху́бхир идаи́ на вишно́х
ш́раддхāнвито́ ну́шрнуйад атха варнайед йах
бхактим парам бхагавати пратилабхйа камам
хрд — рогаи́ аш́в апахинотй ачиреṇа дхйирах

Я сказал: «Вы хотите помогать адиваси, и я тоже хочу помочь им. Но Ваша помощь одного вида, а моя — другого. В Писаниях говорится, что жажда обладания (в данном мире) — это болезнь сердца. Так говорит Шукадева Госвами в «Бхагаватам»: камам хрд — рогаи. «Я хочу это, я хочу то; я желаю тысячи, я хочу миллионы» — это болезнь сердца, это ложь. «Когда я был боровом, я проглотил гору испражнений, но так и не утолил свой голод. Когда я жил в теле слона, я выел целый лес, но голод не прошел». Таким образом, аппетит никогда не исчезнет. Существует множество людей, скопивших миллионы. Но, несмотря на это они говорят: «Нет, этого недостаточно, я хочу еще больше». Так что это — сердечная болезнь, и в «Бхагаватам» Шукадева Госвами дал лекарство от нее. Викридитам... Когда вы сможете осознать, что Абсолют обладает полной, неограниченной свободой и владеет всем, каждым атомом во вселенной, — если вы сможете принять такую концепцию взаимоотношений Абсолюта с окружающим миром, вы будете в состоянии избавиться от этой болезни сердца. Нет иного пути».

Данные слова произвели на этого человека большое впечатление. Из его глаз потекли слезы.

— Свамиджи, я верю в Бога.

— Да, Ваши глаза подтверждают это.

— Я выдам Вам деньги. Но не прямо сейчас, а позже. Поезжайте в Мадрас, я исполню свое обещание.

Он прислал деньги, и мадрасский храм был построен. Моя проповедь не была речами лживого сборщика пожертвований — это являлось честным делом, делом открытой истины. Никаких уговоров, увиливаний, лести или стремления с помощью сладких слов как-то обобрать человека. Честная речь, правдивый рассказ. Мой ориентир был таков: «Зачем я пришел сюда? Очарование чего привело меня?» Я прилагал максимум усилий, чтобы явить окружающим эту причину. Вы должны понять, что побуждает меня проповедовать. На этом пути я обретаю высочайшее, и я не думаю, что ошибаюсь». Каждое мгновение я считал, что у меня есть все основания принять это как руководство и двигаться вперед по указанному пути.

После ухода Гуру Махараджа остались назначенные им попечители, которые по его велению должны были создать руководящий орган. Но, к несчастью для нас... было много разногласий, и

Миссия не смогла сохранить целостность. По велению совести я стремился сделать все от меня зависящее для очищения движения, но желаемому не суждено было сбыться. Поэтому я решил молча покинуть (организацию). Кроме того, принятие чьей-либо стороны для борьбы с другими, было не в моих правилах. Такова была моя позиция. Другие, наиболее ревностные, продолжали борьбу.

Когда случился судебный процесс, и некоторых наиболее рьяных духовных братьев посадили в тюрьму, у меня еще сохранялись некоторые связи с движением. Я не мог сбежать как трус, но после того как примерно через год дело было прекращено и их освободили, я ушел во Врндаван, оставив Матх. Меня не интересовала такая борьба.

Они прилагали максимальные усилия для того, чтобы я остался с ними. Но я сказал, что не считаю для себя возможным оставаться в обществе людей, занятых только раздорами (в то время так оно и было). В течение месяца я жил у Говардхана и, исполнив там Урдджа-врату, принял Говардхана-Шилу. Затем я вернулся сюда и стал снимать дом за две рупии в месяц. Возвращаясь из Врндавана, я встретил своего родственника Мани Бабу. Он работал на железной дороге. Я попросил его о десяти рупиях в месяц, и он согласился. Он делал это в продолжение двух или трех месяцев. И с этим я пришел сюда. Некоторые пытались отыскать мое местонахождение. В конце концов их поиски увенчались успехом, и они начали время от времени наведываться ко мне. Приходя, они приносили какие-нибудь дары и тому подобное.

Шриюкта Сакхи Чаран Рай предоставил этот участок земли (где теперь стоит Шри Чайтанья Сарасват Матх). Он приобрел его на собственные деньги. Здесь, в хижине, я начал свое «искреннее преданное служение». В 1942 году, в день Ратха-йатры, я впервые пришел в эту хижину с Говардхана-Шилой. До этого я какое-то время жил в уже упоминавшемся арендуемом доме, вместе со Шрипадом Кешавой Махараджем, а иногда — в миднапурском матхе, в котором проживали такие возвышенные личности, как Шрипад Джаджавар Махарадж, Шрипад Мадхав Махарадж и другие.

Но здесь я жил отдельно. Со мной был только один человек, через некоторое время пришел другой и привел с собой несколько джентльменов из Ориссы. Впоследствии к нам присоединились и другие духовные братья. Потом появился Шрипад Говинда Махарадж, в юности Шри Гауренду брахмачари.

Шрипад Кршнадад Бабаджи сказал мне: «Пожалуйста, удели особое внимание этому Шри Гауренду брахмачари — он очень разумен и обладает выдающимися качествами». Я старался выполнять сию просьбу, но многим это было не по душе. Я хотел помочь ему в обучении санскриту и так далее. Но они не могли стерпеть это — они требовали составить официальный документ. К тому времени здание (матха) уже существовало — оно было построено в 1943 году. Два человека, жившие со мной некоторое время, хотели составить уставной документ, который делал бы трех духовных братьев — их и меня — членами правления. Тогда я спросил, по каким же правилам будет осуществляться управление обществом. Они ответили, что все решения станут приниматься большинством голосов. Это значило: объединившись, можно было сделать со мной все, что угодно. Поэтому я ответил: «Я оставил общество многих почитаемых санньяси и других людей. Мне хотелось жить в уединении. Это не подразумевает вашего руководства мной. Я не могу согласиться с таким положением дел». Они стали протестовать и вносить смуту. Все-таки компромисс был достигнут.

Пришли Шрипад Госвами Махарадж и Шрипад Мадхав Махарадж. В банке у нас лежало около пяти тысяч рупий, еще примерно семь тысяч дали они, и эта сумма была в полном нашем распоряжении. Шрипад Госвами Махарадж оказал мне помощь — предоставил заем в четыре тысячи, а Шрипад Джаджавар Махарадж и другие собрали кое-какие деньги в разных частях страны. Затем были пожертвованы еще семь тысяч. И с тех пор я пребываю здесь. Такова история.

Я не слишком часто проповедую. Я почти всегда сижу здесь и очень редко появляюсь на людях, как прежде. Шрипад Мадхав Махарадж постоянно, в очень мягкой форме, винил меня: «Ты отвергаешь образованную часть общества. Сидя тут без дела, ты игнорируешь публику. Ты обладаешь необходимыми качествами и способностью к проповеди Учения Махапрабху, особенно людям с образованием. Но ты не делаешь этого». При каждом своем визите он говорил мне такие слова. Почти каждый год, по окончании празднования Гаура-пурнимы, мы встречались с ним, и он всегда упрекал меня! Кроме того, ежегодно я приезжал на торжества, проводимые его калькуттским матхом и читал там лекции. Так проходили мои дни.

Со Шрипадом А. Ч. Бхактиведантой Свами Махараджем я впервые встретился в Аллахабаде, когда еще носил белые одежды (до санньясы). После этого я приехал сюда (в Бенгалию), а затем отправился в Мадрас. Возможно, наша встреча произошла в самый канун 1930 года. Тогда он был представителем лабораторий Карттика Боза. И он сблизился с Матхом. Прабхупады в то время там не было. В 1933 году, или около того, после Ваджа-мандала-парикрамы, Прабхупада приехал в Аллахабад для закладки краеугольного камня (в фундаменте нового центра). И в тот период он (Шрипа А. Ч. Бхактиведанта Свами Махарадж) несколько раз встречался с Гуру Махараджем и принял от него инициацию. Вы уже хорошо знакомы с нашими взаимоотношениями.